

31848



ЕРМОЛОВА

МАССОВАЯ БИБЛИОТЕКА

ИСКУССТВО

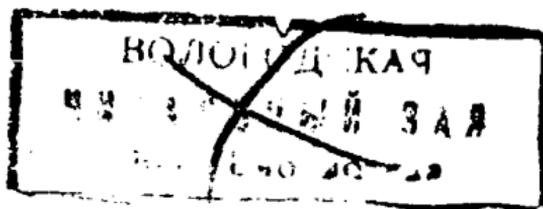


С. Дурьлин

М. Н. ЕРМОЛОВА

(1853—1928)

34878



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ИСКУССТВО»

Москва 1943 Ленинград

Редактор В. Мотылевская

Подписано в печать 29/V 1943 г.
Л40137. „Искусство“ № 2558 Печ. тв.
лист. 1 + $\frac{1}{8}$ л иллюстр. Уч.-изд. лист.
1,262. В 1 печ. л. 4.776 экз. Тираж 10000.
Зак. 800

Цена 1 р.

Тип. „Красный печатник“ Гос. изд-ва
„Искусство“, Москва ул. 25 Октября, 5

Ермолова — это не просто великое имя, это — целая эпоха в истории русского театра, одна из славных страниц в истории русского народа.

Свыше пятидесяти лет (1870—1928) Ермолова была, по общему приговору современников, первой артисткой русского театра, лучшей воплотительницей на сцене образов, созданных Пушкиным, Островским, Тургеневым, Шекспиром, Шиллером, Гете. «Зачем вы не побывали в свое время в Европе? — писал Ермоловой основатель Художественного театра К. С. Станиславский. — Тогда все бы знали, что первая артистка мира не Дузе, а наша Мария Николаевна». Великий художник жил в Ермоловой в неразрывной связи с великим человеком, горячо любившим свой народ и отдавшим все свои силы родине. Искусство Ермоловой было подвигом этого великого человека и художника.

Мария Николаевна Ермолова родилась в Москве 3 июля (ст. ст.) 1853 года.

Представители нескольких поколений семьи Ермоловых, происходившей из крепостных крестьян, служили в театре. Дед Марии Николаевны был помощником заведующего гардеробом в Малом театре, две тетки и трое дядей были актерами. Отец, Николай Алексеевич, хотя занимал скромную должность суфлера в том же Малом театре, но был человек одаренный; он писал пьесы и обладал актерскими способностями: ему случалось с успехом заменять заболевших актеров.

Он страстно любил театр, с увлечением рассказывал детям о великих артистах Малого театра, читал им пьесы и стихотворения. Таким образом, самые ранние годы детства Ермоловой были согреты любовью к театру. Когда девочке было всего три года, отец брал ее в свою суфлерскую будку, и она, сидя на его коленях, с жадностью смотрела на сцену. Из суфлерской будки перевидала она многих славных артистов Малого театра: М. С. Щепкина, друга Пушкина и Гоголя, П. М. Садовского, друга Островского, создавшего правдивые образы русских людей в его пьесах. «Впечатления, которые я выносила после каждого виденного мною спектакля,— вспоминает Ермолова,—заполняли все мои мысли и желания. Театр стал для меня самым дорогим в жизни, и привязанность к нему возрастала все больше и больше. Даже детские игры — и те были наполнены театральным содержанием. Помню, как я одевалась в длинную юбку своей матери или в бабушкину кофту, как стулья ставились у нас вверх ногами, чтобы создать впечатление сцены, и как я бросалась на колени, кого-то о чем-то умоляя и прося. Такие игры мне никогда не запрещались, так как я росла в кругу театральной семьи, где все очень любили и ценили театр».

Девяти лет Ермолова была принята, по ходатайству отца, в казенное театральное училище, но оно не принесло радости будущей артистке: она уже в детских играх стремилась передать правду человеческих страданий, а в казенном училище старались сделать из нее танцовщицу в балете, которого она не любила. Желая помочь дочери в осуществлении ее мечты — стать дра-

матической артисткой — отец, когда ей исполнилось тринадцать лет, выпустил ее в свой бенефис в роли бойкой Фаншетты в водевиле «Жених на расхват». Но этот первый выход Ермоловой на сцену был неудачен: в ней не оказалось ни бойкости, ни задора, нужных для таких ролей. Столь же неудачна была попытка отца Ермоловой обратить на нее внимание знаменитого драматического артиста и педагога И. В. Самарина: позанимавшись с ней, Самарин нашел, что у нее нет вовсе дарования не только для драмы, но и вообще для театра.

Но неудачи только усилили стремление Ермоловой к сцене. Она сама готовила себя к ней: всматривалась в игру замечательных артистов, запоминала наизусть целые роли из пьес и тайком от начальства, по ночам, читала подругам любимые монологи и разыгрывала с ними целые сцены. «Несмотря ни на что, — признавалась впоследствии Ермолова, — во мне всегда жила непоколебимая уверенность, что я буду актрисой, и не какой-нибудь, а первой актрисой, и на Малой сцене».

Эта уверенность оправдалась в скором времени.

30 января 1870 года известная артистка Малого театра Н. М. Медведева ставила в свой бенефис драму немецкого писателя Г. Лессинга «Эмилия Галотти». Перед самым спектаклем заболела артистка Федотова, игравшая Эмилию. Заменить ее было некем. И вот одна из воспитанниц театральной школы указала Медведевой на свою подругу Машу Ермолову. Медведева прослушала воспитанницу Ермолову и сказала: «Вы будете играть Эмилию».

В драме Лессинга изображается горькая участь девушки, которая, на свое несчастье, приглянулась владетельному князю, сластолюбу и насильнику; жених Эмилии пал от руки убийц, подосланных князем, а сама Эмилия умирает под кинжалом своего отца, предпочтившего, как и она сама, смерть дочери ее позору.

Когда, в роли Эмилии, никому не известная шестнадцатилетняя «воспитанница Ермолова» вбежала на сцену, дрожащая от страха, преследуемая своим оскорбителем, и произнесла первые слова роли, она сразу подчинила себе весь зрительный зал, заставила его жить своими чувствами.

«Когда она выбежала на сцену и своим низким, грудным голосом, в котором чувствовались слезы, проговорила лишь первые слова: «Слава богу! Я дома! Я в безопасности!» — мурашки забегали у меня по спине. Я вся вздрогнула. Тут было что-то особенное. Сразу сказался громадный сценический темперамент... Талант! Сила!»

Такое впечатление произвела юная Ермолова первым же своим появлением на сцене на знаменитую артистку Н. М. Медведеву, игравшую в этом спектакле роль герцогини Орсины.

Другой свидетель первого выхода Ермоловой пишет: «В порывистом, лихорадочном рассказе матери об оскорбительных преследованиях принца Ермолова заставила нас забыть сцену».

Позже этот свидетель первого выхода Ермоловой пояснил, чем и как заставила она «забыть сцену»: «Ни одного лишнего актерского приема, ни одной фальшивой ноты и декламации в тоне голоса, все верно, просто до последнего

звука, Наши артистки до того приучили нас к театральности, что простота и непринужденность Ермоловой, отсутствие всякого наивничанья и задумчивость ее интонаций представляется нам дорогим сокровищем».

Об этом спектакле находим такую запись в дневнике Ермоловой.

«30 января 1870 года. — День этот вписан в историю моей жизни такими же крупными буквами, как вот эти цифры, которые я сейчас написала. Я счастлива, нет, — я счастливейший человек в мире. Сбылось то, о чем я пять дней назад не смела и мечтать. Я думала: меня вызовут раз. Меня вызвали двенадцать раз».

День 30 января 1870 года вписан и в историю русского театра как один из знаменательных дней, — в этот день в лице Ермоловой явилась на подмостках величайшая из русских артисток.

За полвека своей театральной деятельности Ермолова сыграла, без малого, триста ролей. Среди них было много исполненных ею с несравненно большим мастерством и совершенством, чем Эмилия Галотти. Но во всех ролях Ермолова, как ни одна артистка в мире, утверждала своим исполнением две великие истины в искусстве театра: сила трагедии, как и вообще сила театра — в просветляющей искренности чувств и в покоряющей истине действия; красота трагедии, — так же, как и красота театра, — в высокой правде, в освобождающей мысли и в благородной простоте.

Успех, который выпал Ермоловой при первом же ее появлении на сцене, бывает раз в столетие, но руководители казенного театра не оце-

нили ее могучего дарования — в течение шести лет Ермолова сыграла шестьдесят ролей, но среди них было лишь две-три достойных ее таланта трагической артистки.

Молодая артистка не предалась унынию: она твердо верила в свою победу на творческом пути.

«Внешние данные Ермоловой, — как свидетельствует К. С. Станиславский, — были замечательны. У нее было превосходное лицо с вдохновенными глазами, сложение Венеры, глубокий, грудной, теплый голос, пластичность, гармоничность, ритмичность даже в метании и порывах, беспредельное обаяние и сценичность. Ко всем этим достоинствам ей дана была от природы исключительная психологическая чуткость».

Все эти богатые данные природы Ермолова совершенствовала, развивала в течение всей своей жизни упорным, постоянным трудом. Особенно много она работала в молодые годы, когда другие актеры обычно увлекаются первыми успехами и забывают о том, что искусство актера должно строиться на непрестанном труде.

Успех никогда не кружил ей голову. Самовосхищение было ей чуждо. Она всегда была скромна, никогда не удовлетворялась достигнутым.

«Работая с Ермоловой в течение сорока лет, — говорил народный артист республики А. И. Южин, — я не могу иначе назвать ее работу, как работой подвижницы».

Уже в молодости Ермолова ставила перед театром и перед собой, как актрисой, высокие задачи.

В своем дневнике того времени она пишет:

«Я бы желала, чтоб бедный человек уходил из театра с мыслью, что есть другая, хорошая

жизнь, или, сочувствуя страданиям актрисы, он бы забывал свои страдания, о своем горе... Вот почему я люблю искусство. Желая от всей души приносить пользу».

Эта теплая дума о «бедном человеке», желание приносить ему пользу заставили Ермолову, кроме занятий мастерством актера, обратиться к чтению книг, знакомящих с положением русского народа в прошлом и настоящем. Будущая создательница героических образов на сцене, Ермолова с восторгом встречается с русским народным героизмом в истории: «Биография Мстислава Удалого до слез меня довела... Я уже не говорю о Богдане Хмельницком, тут за весь народ рвалась моя душа».

Можно назвать множество образов, созданных Ермоловой, в которых «за народ рвалась ее душа». Ее любимым поэтом, наряду с Пушкиным, стал Некрасов, певец народных страданий. Молодая артистка близка была к кружкам революционно настроенной студенческой молодежи. Эта молодежь почувствовала в Ермоловой человека и художника, полного живой любви к народу и презрения к его угнетателям.

Когда Ермолова впервые сыграла Катерину в драме А. Н. Островского «Гроза» (1873), она имела шумный успех прежде всего у демократического зрителя. Для этого зрителя Катерина в поэтическом и правдивом исполнении Ермоловой была тем «лучом света в темном царстве», каким видел ее Добролюбов, вождь демократии 60-х годов. Горькая участь Катерины в изображении Ермоловой была не только драмой несчастной любви, как у других артисток, играю-

щих эту роль, — это была трагедия русской женщины, одаренной богатыми силами души, неуклонным порывом к свету и не находящей применения этим великим силам, исхода этим могучим порывам.

В истории театра чрезвычайно редки случаи, когда отдельный спектакль, заносимый в летопись театра, тем самым заносится в самую почетную из летописей — в летопись народного освобождения. Таким спектаклем был первый бенефис Ермоловой, состоявшийся 7 марта 1876 года. Шла драма испанского драматурга Лопе де Вега «Овечий источник», впервые переведенная на русский язык для бенефиса Ермоловой.

Ермолова играла Лауренсию, крестьянскую девушку из поселка Овечий Источник. Насильник-командор, владетель поселка, желая овладеть девушкой, бросил в тюрьму ее жениха. Лауренсия вырывается из рук схвативших ее солдат и, поруганная и оскорбленная, является на сходку своих односельчан и призывает их к восстанию против угнетателей народной свободы.

Трусливыми вы зайцами родились! —

осыпает она упреками крестьян —

На вольную потеху отдаете
Вы ваших жен и дочерей тому,
Кто их захочет взять! К чему вам шпаги?
Вам веретена в руки!.. О, клянусь,
Хочу, чтоб женщины одни, без вас,
Тиранов казнью и злодеев кровью
Свою вновь выкупили честь!..

Этот страстный призыв Лауренсии воспламеняет народ, он устремляется к дворцу командора и совершает суд над насильниками, свергает власть феодального деспота.

«По всей зрительной зале,— описывает современник,— побежал электрический ток, всем общилось сильнейшее возбуждение, зритель, дрожащий, как в лихорадке, кажется, готов был сорваться со своего места, побежать за этою девушкою-героинею и отомстить за ее поруганную честь, за попранную свободу».

«Восторг публики,— вспоминает свидетель спектакля, профессор Н. И. Стороженко,— дошел до энтузиазма. В этой роли вылилась вполне страстная любовь к свободе и не менее страстная ненависть к тирании, которая охватила собой юную душу артистки».

Переводчик трагедии С. А. Юрьев писал Ермоловой: «Видно было, что вы на самом деле были проникнуты чувством, которое терзало душу Лауренсии и подняло ее до той ноты, так сказать, стихийной силы, против которой не могут устоять народные массы и которая в силах одушевить и каменную душу. Это чувство передалось и нам, зрителям, оно было так сильно, что, кажется, готово было задушить нас».

У демократических зрителей, переполнявших театр, отклик на вдохновенную игру Ермоловой был живым и пламенным. По окончании спектакля молодежь расходилась из театра с пением запрещенных песен. Предупреждая демонстрации, полиция потребовала, чтобы Ермолова выходила после спектаклей не через артистический

подъезд, где ее поджидала возбужденная молодежь, а всякий раз через другую дверь, с театральных задворок.

На следующем представлении «Овечьего источника» зрительный зал был переполнен сыщиками, а затем пьесу сняли с репертуара.

Среди студентов, испытавших на себе освободительную силу ермоловского героического искусства, был недавно умерший народный артист СССР В. И. Немирович-Данченко. Он рассказывал:

«После бурного триумфа в «Овечьем источнике» Ермолова становится кумиром молодежи, и революционная молодежь встречает в ней смелого сценического выразителя своих мечтаний и товарища, глубоко отзывчивого к ее нуждам». Не было ни одной роли, за исключением ничтожных, навязанных Ермоловой дирекцией, в которой великая артистка не откликнулась бы всем своим существом на основную мысль, на подлинно великое устремление своей эпохи — устремление к народному освобождению.

В свои бенефисные спектакли, когда выбор пьесы зависел от самой артистки, Ермолова поставила ряд произведений, проникнутых благородным протестом против всяческого угнетения и угнетателей и призывом к освобождению человека из рабства. Причем часто эти произведения ей же приходилось освобождать из-под гнета цензуры. Именно в этих пьесах Ермолова создала свои лучшие образы: Юдифь («Уриэль Акоста» Гуцкова), Иоанна д'Арк («Орлеанская дева» Шиллера), Клерхен («Эрмонт» Гёте), Туснельда («Равеннский боец» Гальма).

Выступая с чтением стихов на эстраде (всегда

с благотворительной целью, а часто — в пользу нелегальных студенческих организаций), Ермолова превращалась в могучего глашатая свободы.

Когда умер Некрасов, она прочла проникновенные стихи:

Смокли поэта уста благородные..
Плачьте, гонимые, плачьте, голодные..
Плачьте, несчастные, сырые, бедные!.

«И Ермолова зарыдала,— вспоминает очевидец, — и с ней зарыдала вся зала вслух».

Это был «похоронный марш» в память народного поэта «мести и печали».

Другим «похоронным маршем», еще более потрясающим и вместе грозным, звучало в устах Ермоловой стихотворение Л. И. Пальмина «Реквием»:

Не плачьте над трупами павших борцов,
Погибших с оружием в руках..
Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам —
Отдайте им лучший почет,
Шагайте без страха по мертвым телам,
Несите их знамя вперед!

Эти стихи читались Ермоловой в эпоху больших политических процессов конца 70-х годов, после которых революционеров сотнями отправляли на каторгу в Сибирь, в то время, когда совершались многочисленные казни революционеров. Можно ли удивляться, что чтение Ермоловой вызывало бурю восторгов у демократических слушателей, благоговевших пред ее гражданскою смелостью не менее, чем перед ее могучим искусством?

Было и еще одно стихотворение, которым Ер-

молова воспламеняла сердца освободительным огнем. Это — стихотворение А. Н. Плещеева:

Вперед! без страха и сомненья,
На подвиг доблестный, друзья!..

На какой же подвиг?
У Плещеева — вот на какой:

Смелей! дадим друг другу руки
И вместе двинемся вперед,
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.

Но раскрываем книгу, по которой читала Ермолова эти стихи, и видим, что тихие плещеевские звуки собственноручно переделаны артисткой на иной мотив:

Смелей, минули рабства годы!
Все вместе двинемся вперед.
Теперь под знаменем свободы
Союз наш крепнет и растет¹.

Ермолова убежденно и пламенно звала на иной подвиг, чем старый поэт, — на подвиг свободы! И этот призыв великой артистки находил горячий отклик в лучших людях ее эпохи и вызывал гонения на нее со стороны царских властей, вплоть до запрещения читать те или иные стихи, вплоть до снятия с репертуара пьес, в которых она имела особый успех.

Как умела Ермолова находить и передавать мудрую, благородную простоту в героическом, в трагедии, так же чутко и проникновенно обнаруживала она героическое в простом, будничном, повседневном.

¹ Печатается по автографу М. Н. Ермоловой, со стр. 107 «Стихотворений А. Н. Плещеева» (М., 1861) (Собрание автора этой книжки).

Так было с пьесой А. Н. Островского и Н. Я. Соловьева «На пороге к делу» (1879); в ней Ермолова играла молоденькую девушку Верочку Лонино, которая пошла в учительницы в деревенскую школу и на первом же «пороге» к любимому делу столкнулась с горькой нуждой, с грубой опекой со стороны местных властей и кулаков. «Ермолова создана природой для такой учительницы, — читаем мы в современном подцензурном отзыве, — и лицо, и голос, и тон, и манеры — все подходящее. Она оставалась всю пьесу простой и правдивой». Сквозь эту жизненную правду у Ермоловой светила другая, высшая правда: в лице Верочки Лониной она с горячей любовью показывала одну из тех девушек, которые, оставив родной дом, уходили в деревню, в народ и с неизменным, ни для кого не приметным героизмом, терпя нужду и преследования, несли в народ не только свет знания, но и призыв к освобождению для лучшего будущего. Когда, преодолевая боль, скрывая слезы, учительница Лонино со строгостью к себе признавалась: «Ну, тяжело мне, тяжело!.. Так нет же, нет, я не пример... Есть сильнее меня, лучше, есть и такие, которые могут бороться, и не сломает их ничто!» — ее слова вызывали взрыв рукоплесканий: слова эти звучали у Ермоловой и принимались зрителем как обетование в борцах грядущей революции. Когда Лонино — Ермолова, по ходу пьесы, читала стихи Майкова:

И пришлось ей, младенцу,
Старикам прочесть
Про желанную свободу
Дорогую весть,

она произносила их с такой силой убеждения, что наиболее чуткая часть публики относилась к ним не к прошлому, не к так называемому «освобождению крестьян», как у Майкова, а к будущему: не «пришлось», а «придется», — так слышалась у Ермоловой, — «прочсть весть» о «желанной свободе», завоеванной народом.

То содержание, которое вкладывала Ермолова в образ Лониной, было неизмеримо глубже и шире того, которое вложили в него Островский и Соловьев: Ермолова, углубляя мечты и стремления своей учительницы, как бы звала молодежь на трудный подвиг ради народного освобождения.

Среди многочисленных образов русской женщины, созданных Ермоловой, есть два образа русской актрисы: Негиной — в пьесе Островского «Таланты и поклонники» (1882) и Кручининой в его же пьесе «Без вины виноватые» (1908).

Путь актрисы в дореволюционной России был тяжел: на актрису смотрели как на падшее существо, почти лишенное гражданских прав, и подвергали ее всяческим оскорблениям. А между тем, еще на заре русской сцены, ступив на подмостки крепостного театра «крещеной собственностью» помещиков и вельмож, русская женщина обнаружила наряду с замечательной талантливостью поистине самоотверженную любовь к искусству. Ко времени рождения Ермоловой в летописи русского театра уже блистали славные имена Троепольской, Семеновой, Асенковой, Самойловых, Львовой-Синецкой, Никулиной-Косицкой, Медведевой.

Передавая горькие терзания молодой девушки

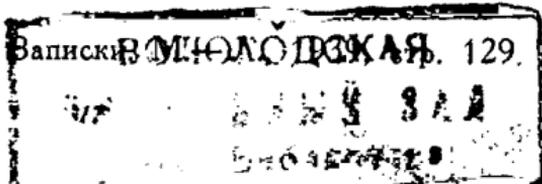
318715

Негиной, встреченные ею на пути служения любимому искусству, открывая всю глубину и силу ее любви к театру, Ермолова, как свидетельствует народный артист СССР Ю. М. Юрьев, «...играла ее путем полного растворения себя в роли и роли в себе... Что отличало Ермолову от других? Необыкновенна была душа ее, имевшая способность обнимать жизненные явления, воспринимать, обобщать их и, сосредоточив в себе, пропускать через свою чуткую душу, через свое трепетное сердце. И вот, каждое биение ермоловского сердца, тончайшие изгибы ее внутренних переживаний отражались на струнах ее проникновенного ермоловского голоса при малейшем прикосновении к ним. Вот почему самые обыкновенные, самые простые ее интонации, но насквозь пропитанные глубоким и сложным чувством, делали эти интонации особенными и необыкновенными»¹.

Обыкновенная история русской провинциальной актрисы Негиной, рассказанная Ермоловой с необыкновенной простотой, но и с еще более необычайной глубиной и искренностью, превратилась у великой артистки в волнующую повесть о подвиге русской женщины, совершаемом ради искусства.

Продолжение этой повести Ермолова дала через много лет в комедии Островского «Без вины виноватые» (1908). Героиня этой пьесы Кручинина прошла тернистый путь, который только начинается Негина: Кручинина — знаменитая артистка. Ермолова, — также прошедшая к тому

¹ Ю. Юрьев. Записки в М. Молодцова. 129.



времени тридцать восемь лет своего театрального пути,— создавала чарующий образ русской женщины, артистки и матери. Одно из действующих лиц пьесы Островского, любитель театра Дудукин, обращаясь к актрисе Кручининой, говорит: «Будем же благодарны избранным людям, которые изредка пробуждают нас и напоминают нам о том идеальном мире, о котором мы забыли. Талант и сам по себе дорог, но в соединении с другими качествами: с умом, с сердечной добротой, с душевной теплотой, он представляется нам уже явлением, перед которым мы должны преклониться».

Когда в спектакле Малого театра произносились эти слова, они не только служили лучшей характеристикой актрисы Кручининой в исполнении Ермоловой,— они были еще лучшей характеристикой самой Ермоловой как артистки и человека и ее искусства. Вот почему слова эти всякий раз покрывались рукоплесканиями всего зрительного зала.

С особой полнотой, с несравненной силой дарование Ермоловой выразилось в созданном ею образе Иоанны д'Арк в драматической поэме Ф. Шиллера «Орлеанская дева».

В трагедии Шиллера выведена героиня французского народа Иоанна д'Арк; в XV столетии, в эпоху, когда Франция, терзаемая завоевателями, была на краю гибели, эта крестьянская девушка, движимая любовью к родине, стала во главе войска и, воодушевив его на подвиг, принесла победу родной стране.

Иоанна была любимой героиней Ермоловой в истории и самым возвышенным образом в мировой литературе. «Во всей всемирной истории

нет образа чище и светлее Жанны д'Арк и никто лучше Шиллера не понял ее»,—говорила она.

И никто в мировом театре лучше Ермоловой не воплотил ее на сцене.

Защищая творение Шиллера от упреков в том, что оно «приподнято», Ермолова писала: «Да, оно приподнято от земли, но не на ходулях, а на крыльях поэзии». Эти слова применимы к искусству самой Ермоловой—и прежде всего к созданному ею образу Орлеанской девы.

Начиная с пролога, где Иоанна—простая пастишка, скорбящая о горькой участи родины и решающая в своем сердце отдать жизнь за ее освобождение, и кончая последним действием, где Иоанна вырывает победу из рук врага,—Ермолова держала весь театр в напряженнейшем соучастии ко всему, что чувствовала, переживала, совершала эта дочь народа. Не только зрители, но и актеры, игравшие в том же спектакле, как бы отрешались от себя и подчинялись власти этой девушки-героини, с женственной прекрасной душой и мужественной силой воли.

Верхом торжества Ермоловой—и, быть может, вершиной театрального искусства вообще,—являлась предпоследняя сцена трагедии.

Иоанна, Орлеанская воительница, в плену у врагов, она заключена в мрачной башне и прикована цепями к стене. Там, за стенами башни, кипит сражение, там решается судьба родины. Отторгнутая пленом от ее защитников, Иоанна простирает к ним руки и взывает:

Вперед, мои бесстрашные, вперед!

Иоанна близко...

Она в цепях, но дух ее свободно

Стремится в бой за вашей бранной песней!

Она слышит ликующие крики врагов. Сердце ее истекает кровью: она не может повести, как прежде, народные полки к победе — на ее руках цепи. Еще миг — и все будет кончено: родина падет, пораженная в сердце.

В неудержимом порыве Иоанна — Ермолова устремляется на помощь защитникам родной страны. Она вся — воля к победе. Для этой воли нет преград. Мгновение — и разорваны цепи, и она бросилась в бой. С Иоанной пришла победа. С Иоанной вернулась свобода.

В освободительный подвиг Иоанны Ермолова вкладывала такую глубину чувства, такую горячую любовь к страдающему народу, такой великий гнев к его поработителям, что не казалось чудом, а являлось простой неизбежностью, что эта героическая воля разрывает цепи и победоносно торжествует над всем злом и всей неправдой исторической действительности.

Когда однажды, во время представления «Орлеанской девы» (в первый раз Ермолова сыграла ее в 1884, в последний — в 1902 году), ей поднесли меч, как символ ее искусства, она писала поднесшему: «Я очень тронута вашим подарком и горжусь им. Только верному рыцарю чистого искусства могла придти в голову эта идея. Мне, современной жрице его, не под силу этот меч великих героев, но идею с восторгом принимаю». Эту идею героического искусства, высоко поднимающего человека на «крыльях поэзии» к великим идеалам правды, добра и свободы, Ермолова воплотила в образах, исполненных пушкинской силы, красоты и мужественной простоты. Ермолова, как ни одна артистка в мире, су-

мела с глубокой искренностью и простотой извлечь героические звуки из трагедий и драм Шекспира, Лопе де Вега, Расина, Лессинга, Гёте, Шиллера, Гюго, Пушкина, Островского, ими ударила по сердцам зрителя «с неведомою силой».

Ермолова — это героическая симфония русского театра.

Ермолова за полвека своего театрального пути создала необозримую вереницу женских образов всех стран, народов и веков, — от древнегреческой поэтессы Сафо («Сафо» Грильпарцера) до Настасьи Филипповны в «Идиоте» Достоевского, от гордой римской патрицианки (Волумния в «Кориолане» Шекспира) до московской купеческой жены Веры Филипповны («Сердце — не камень» Островского), от королевы Марии Стюарт (в трагедии Шиллера) до крепостной крестьянки Лизаветы («Горькая судьбина» Писемского), — и во всех этих образах она умела раскрыть лучшие стороны женской души, открыть целые сокровища человечности.

Когда Ермолова показывала благородную борьбу простой русской женщины Олены с самоуправцем воеводой за честь и верность («Воевода» Островского), когда раскрывала беззаветную самоотверженность Юлии Тугиной ради любимого человека («Последняя жертва» его же), когда обнажала мятущуюся, ищущую правды, душу Анны Демуриной («Цена жизни» Вл. И. Немировича-Данченко), когда вкладывала всю теплоту сочувствия в светлый порыв Ирины Бойцовой к живому общественному делу («Ирининская община» А. И. Сумбатова), — когда великая артистка с покоряющей силой создавала все

эти образы,— она слагала их в единый прекрасный образ русской женщины во всей тяжести ее исторического жребия, во всей трудности ее жизненного пути, но и во всем величии ее душевных сил, ее мужественной стойкости, ее способности на самоотвержение и подвиг. Ни одна из артисток не была на сцене такой пламенной заступницей за русскую женщину, за ее право на счастье и свободу и ни одна не была такой суровой обличительницей ее оскорбителей и мучителей, как Ермолова. «Ермолова — самый замечательный тип русской актрисы и женщины»,— писал после ее смерти Вл. И. Немирович-Данченко, выражая мнение всех, знавших Ермолову, как актрису и человека.

«Гений Ермоловой внес в русскую жизнь много света. Не один присяжный, вспоминая Ермолову в ее народных ролях, объяснял себе психологию бабы, восставшей бунтом, и отпускал ее с миром; не одна учительница в дымной, угарной избе отдыхала, вспоминая Ермолову в ее и простых, и героических ролях, и с новой силой бралась на утро за свое дело. У многих светлело на душе при воспоминании о звуках ее голоса, родных, простых, сильных и глубоких. Ни малейшая тень фальши и ложной театральщины не омрачает ее артистического образа. Она национальна, глубока и сильна своей правдой. Много было, есть и будет отличных артистов на всех сценах мира, но только те артисты имеют право на общественное значение, которые, кроме таланта, носят в себе глубокую и неразрывную связь со своим народом, и что бы они ни играли, их творчество должно глубоко корнями вращаться в народную почву».

Такова была Ермолова.

«Могучая сила Ермоловой в том, что, изображая страдания Марии Стюарт, вдохновение Иоанны, страсть Феды, горе королевы Маргариты, патриотизм Корсиканки,— всего не перечить,— она проявляла ту «всечеловечность», которая кроется в корнях русской жизни и отмечена одним из наиболее национальных наших писателей. Она делала русскими, применяла к русским духовным запросам порывы и душевную жизнь своих иностранных героинь, не лишая их общечеловеческого значения». Она с величайшим мастерством воспользовалась правом русского актера «переводить образцы мирового творчества на русскую душу, как писатели переводят их на русский язык... Ермолова на нашем языке воскрешала трогательные и великие образы чужих народов и чужих писателей...— то, что в их сердцах, в их внутреннем мире, постигла русская артистка и сблизила со своим народом, со своей страной»¹.

Ермолова с первого до последнего шага на сцене была артисткой Малого театра и гордилась честью быть в труппе этого старейшего из русских театров.

Когда она впервые появилась в Малом театре, казалось, в ней воскрес великий его артист — П. С. Мочалов (1800—1848) с его пламенным темпераментом, с его бурным вдохновением, с его потрясающим подъемом, которым он в трагедиях Шекспира и Шиллера захватывал Лер-

¹ А. И. Южин-Сумбатов, Воспоминания. М.—Л., 1941, стр. 455—456 (с сокращениями).

монтова, Белинского, Герцена и других лучших людей 1830—1840 годов. Но тот же Герцен сказал, что Мочалов «...был человек порыва, не приведенного в покорность и строй вдохновения», и противопоставлял Мочалову другого актера Малого театра—М. С. Щепкина (1788—1863), который «...был великий артист по призванию и труду, первый стал нетеатрален на театре, страшно работал и ничего не оставлял на произвол минутного вдохновения».

Ермолова глубоко чтит пламенное вдохновение Мочалова и одушевленный труд Щепкина — она соединила их в своем творчестве: она была художником вдохновения, приведенного искусством в покорность и мастерством — в стройность.

Вот почему ее влияние на зрителей и на актеров было беспримерно велико и благотворно.

К. С. Станиславский писал Ермоловой в день пятидесятилетия ее деятельности: «Неотразимо ваше облагораживающее влияние. Оно воспитало поколения. Вы познали женское сердце. Любовные порывы девушек, страсти женщин, страдания матерей передаются вами с ермоловской глубиной. Каждая ваша роль — открытие новых сокровищ женской души. Ваша духовная энергия и творческая сила — беспредельны. Вы возглавляете нашу русскую артистическую семью. В минуты сомнения в своем искусстве и его возможностях мы мысленно обращаемся к вам и снова верим в духовную мощь артистического творчества».

Еще к середине 70-х годов, как показывает история с «Овечьим источником», Ермолова стала не только в первых рядах русского искусства,



М. Н. Ермолова
■ роли Жанны д'Арк



*М. Н. Ермолова
в роли Кручинной*

но и в передовых рядах общественности: ее знамя высокого, героического искусства было знаменем политического освобождения для ее родного народа.

Празднование двадцатипятилетнего юбилея Ермоловой в 1896 году превратилось в общественное событие. Давая отчет о юбилейном спектакле Ермоловой, на котором ей поднесено было знамя с изображением музы Трагедии, журнал «Театрал» (1896, № 54) писал: «Спектакль 19 января навсегда останется в летописи нашего театра одной из самых блестящих ее страниц, и она всегда будет говорить, что сцена — высокое и почетное поприще общественного служения».

Но чем сильнее росла слава Ермоловой, чем глубже шло общее признание ее художественных и общественных заслуг, тем холоднее и даже враждебнее становилось отношение к ней чиновных заправил казенного театра. Свою деятельность в Малом театре в 90-х годах сама Ермолова называет «каторжным трудом»: она была перегружена работой над ничтожными пьесами бездарных авторов, покровительствуемых дирекцией, которая, не считаясь со здоровьем артистки, заставляла ее играть почти через день. Под давлением отвратительного отношения со стороны дирекции, измученная непосильной работой в бездарных пьесах, Ермолова в 1907 году покинула Малый театр. Уход ее вызвал демонстрацию публики и труппы театра на последнем спектакле («Измена» Сумбатова, 4 марта). Чествование Ермоловой было запрещено дирекцией, но, вопреки запрету, артистку, окруженную всей труппой, увенчали золотым венком, и бурю

рукоплесканий и восклицаний: «Останьтесь! Не покидайте!» — великая артистка могла утишить только громко произнесенным обещанием со временем вернуться на сцену. На общественном банкете, данном в ее честь, Вл. И. Немирович-Данченко в таких словах определил значение Ермоловой:

«Когда мы вспоминаем ваши сценические создания, сотканые из тончайших страданий, мы называем вас певцом женского подвига. Этим песням нельзя научиться, но звуки их остаются в душе. Когда мы вспоминаем другие ваши образы, палящие огнем, проникнутые безграничной любовью к свободе и ненавистью к гнету, нам хочется крикнуть историкам наши требования, чтобы в их книгах, рядом с портретами бойцов за свободу, портрет Ермоловой находился на одном из почетных мест».

Возвращение Ермоловой в 1908 году на сцену (спектакль «Без вины виноватые», 4 марта) Малого театра вызвало новую демонстрацию в честь великой артистки.

Но истинное признание, полную оценку ее заслуг перед родиной и искусством Ермолова получила лишь в годы революции.

Ермолова уже сорок семь лет работала на сцене, когда совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция. Преклонные годы и слабое здоровье, расшатанные непомерным трудом, не позволили Ермоловой встретиться с новым зрителем так, как бы ей хотелось, — во всю полноту ее творческих сил. Но все же встречи шестидесятичетырехлетней артистки с революционным зрителем происходили часто, были радостны и высоко плодотворны. Ермолова впер-

вые выступила в ранее запрещенной пьесе «Декабрист» Гнедича и показала новому зрителю ряд своих лучших созданий последних лет: Кручинину («Без вины виноватые»), старую княжну («Холоспы» Гнедича), инокиню Марфу («Димитрий Самозванец и Василий Шуйский» Островского), королеву Анну («Стакан воды» Скриба). В возобновленном «Ричарде III» Шекспира она с прежней силой, но совсем по-новому, сыграла опальную королеву Маргариту.

Несмотря на усиливающееся нездоровье, Ермолова участвовала и в районных спектаклях Малого театра, организованных для зрителей рабочих окраин.

2 мая 1920 года, с единственной в истории русского театра торжественностью, было отпраздновано пятидесятилетие служения Ермоловой сцене и родине.

Утром этого дня все московские театры направились к дому Ермоловой во главе с Малым, несшим стяг с надписью: «Ермолова—наше знамя». Когда на балконе появилась Мария Николаевна, она была встречена громовым приветствием. В ответ на грандиозную овацию потрясенная артистка, сдерживая слезы, произнесла несколько слов о том, как мало заслужено ею такое чествование. Пред Ермоловой, стоящей на балконе, как пред признанным вождем русского театрального искусства, продефилировали все театры.

Вечером в Малом театре состоялся необычайный спектакль. Он начался речами о Ермоловой, о значении ее творческого подвига для родины. Артистка, всегда убегавшая своей собственной славой, не присутствовала при произнесении этих,

славящих ее речей. Затем актеры Малого театра исполнили 3-й акт из комедии «Горе от ума»; в нем была занята вся труппа театра. Это было сделано по просьбе Ермоловой, которая писала А. И. Южину, руководителю театра: «...Я хочу только одного, чтобы в этот вечер все мои товарищи были со мной вместе. Я есть только единица, а надо, чтобы было целое... Что мне до того, что все выйдут на сцену для приветствия, это не то, — надо, чтобы все вышли на сцену для своего дела, а не для юбилея... Таким образом я не буду чувствовать себя отчужденной от всех, буду чувствовать приехавшей, как и все, для нашего общего дела, а не для выставки».

В этих словах — вся Ермолова с ее глубоко развитым чувством товарищества, с ее любовью ко всем собратям по искусству, с ее скромностью в оценке собственного в нем места.

Вслед за 3-м актом «Горе от ума» был представлен 3-й акт из трагедии «Мария Стюарт», где шестидесятилетняя Ермолова в роли несчастной и гордой королевы-узницы вновь потрясла весь зрительный зал силой своего вдохновения, над которым оказались бессильны время и старость.

Когда после антракта взвился вновь занавес для чествования Ермоловой и открыл ее, в левом углу сцены, окруженную артистами Малого театра, первым в зрительном зале поднялся с своего места, чтобы приветствовать великую артистку, Владимир Ильич Ленин.

Со сцены было оглашено постановление Совета народных комиссаров о присвоении

М. Н. Ермоловой звания — «Народная артистка республики».

Это почетное звание было установлено — по инициативе В. И. Ленина — в связи с юбилеем Ермоловой, она первая получила высокое звание, отмечающее неразрывную и славную связь художника с его народом.

В ответ на эту беспримерную почесть Ермолова с глубоким волнением произнесла знаменательные слова:

«Я глубоко горжусь честью, которая мне оказана этим подношением, и глубоко тронута тем именем, которым вы меня называете. Всю свою душу Малый театр отдавал народу, и всегда стремились к нему и он, и я. И до конца дней мы всегда принадлежим народу».

Как бы в подтверждение этих простых и искренних слов Ермолова услышала в приветствии от Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов благодарное признание, что «в зале Малого театра пролетариат получил от старого мира в наследство лучшее, что в нем было, — искусство, и среди этого искусства лучшую красоту — М. Н. Ермолову».

В ночь после чествования Ермолова писала артистам Малого театра: «...Подумайте, как велико и свято, значит, то дело, которому мы служим, как велик тот божественный дух, соединивший нас в одно целое!.. Сколько бы дней или месяцев не осталось мне жить, вся моя душа и те остатки моего таланта, если они еще могут быть полезны, принадлежат вам, т. е. Малому театру».

К горю русского театра, великой артистке оставались только «дни» творческой жизни.

В 1921 году она перенесла тяжелую болезнь (рожистое воспаление), окончательно подточившую ее силы, и ее уход из театра был предре- шен: 25 декабря 1921 года она в последний раз выступила на сцене в пьесе «Холопы».

12 марта 1928 года Ермолова скончалась от воспаления легких.

Ее тело было перевезено в Малый театр, который не мог вместить желающих проститься с ней. Утром 17 марта состоялось траурное собрание в память Ермоловой у стен Малого театра, привлечение тысячи народа.

Тело Ермоловой погребено в б. Новодевичьем монастыре.

После смерти Ермоловой артисты Художественного театра писали осиротелой труппе Малого:

«Все мы или были современниками величайших образов дивной артистки и обязаны ей самыми пленительными воспоминаниями театра, или получили наше сценическое воспитание в высоких традициях той культуры, которую ковали гений, любовь и труд Ермоловой. Слава о великой артистке, наперекор преходящей природе артистического творчества, победит само время, и имя Ермоловой перейдет из поколения в поколение, как имя сценического гения, соединившего в себе и героический пафос, и нежнейшие движения женского сердца».

Уже двадцать с лишком лет прошло с тех пор, как Ермолова в последний раз появилась на сцене, уже пятнадцать лет протекло с тех пор, как она умерла, а образ Ермоловой попрежнему близок и дорог нам. Имя Ермоловой всегда будет жить в сердце и памяти народа, как

имя великой — воистину народной — русской артистки.

Героическое искусство Ермоловой, — все и сполна отданное ею на благо родины, — с несравненной силой, правдой и красотой выразило героический порыв русского народа к свободе.

ВАЖНЕЙШИЕ КНИГИ
О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ М. Н. ЕРМОЛОВОЙ.

Письма М. Н. Ермоловой. Редакция, вступительная статья и примечания С. Н. Дурылина. ВТО. М.—Л. 1939.

М. Н. Ермолова. Сборник. Изд. «Светозар». Л. 1925 (Статьи А. И. Южина, Н. Е. Эфроса, П. Н. Сакулина и др. Список ролей Ермоловой.)

М. Лучанский. *Ермолова.* «Жизнь замечательных людей» Изд. «Молодая гвардия». М. 1939.

Т. А. Щепкина-Куперник. *О М. Н. Ермоловой.* Из воспоминаний. Редакция и вступительная статья Вл. Филиппова. Изд. ВТО. М.—Л. 1940.

М. Н. Ермолова. Сборник. Изд. А. А. Бахрушина. М. 1905. (Статьи Н. Е. Эфроса, Н. И. Стороженко, А. И. Южина и др.)



Цена 1 руб.



Handwritten red markings, possibly numbers or symbols, located in the upper center of the page. The markings are somewhat abstract and resemble the number '48' or similar characters.

